

Б. Н. Чичерин

Сен-Симон и его школа

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
Ч-72

Ч-72 **Чичерин Б.Н.**
Сен-Симон и его школа / Б. Н. Чичерин – М.: Книга по Требованию, 2026. –
84 с.

ISBN 978-5-458-54780-2

ISBN 978-5-458-54780-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Къ этому Сень - Симонъ присовокупилъ нѣчто вродѣ видѣнія, представляющаго будущее управленіе человѣческаго рода. Голосъ Бога возвѣщаетъ ему, что Римъ откажется отъ притязанія быть средоточіемъ перкви. Данная ему власть отнимется у него за то, что онъ пересталъ стоять во главѣ науки и позволилъ себя опередить свѣтскимъ людямъ. Одесную Бога будетъ сидѣть Ньютонъ, которому будетъ ввѣрено управленіе всѣми планетами. Совѣтъ 21 избранниковъ человѣчества будетъ называться его именемъ и будетъ представителемъ Бога на землѣ. Онъ раздѣлитъ человѣчество на четыре отдѣла: англійскій, французскій, нѣмецкій и итальянскій. Каждый изъ нихъ будетъ имѣть совѣтъ, составленный такъ же, какъ и главный. Всѣ люди будутъ распредѣляться между ними, и всѣ будутъ имѣть право выбора, жеңцины, также какъ и мужчины. Всѣ люди будутъ трудиться; они будутъ смотрѣть на себя, какъ на работниковъ, призванныхъ приблизить человѣческій умъ къ божественному предвѣдѣнію. Главный совѣтъ Ньютона будетъ руководить этими работами; онъ употребитъ всѣ усилія, чтобы понять дѣйствія всемірнаго тяготѣнія, составляющаго единственный законъ, которому подчинено мірозданіе. Всѣ совѣты Ньютона будутъ уважать границы, раздѣляющія духовную власть отъ свѣтской.

„Самъ Богъ говорилъ мнѣ“: заключаетъ Сень - Симонъ; „развѣ человѣкъ могъ бы изобрѣсти религію, превосходящую всѣ, доселѣ существовавшія?.. Посмотрите, какъ ясно предписаніе въ откровенной мнѣ религіи, и какъ вѣрно исполненіе. На каждаго возложена обязанность постоянно давать своимъ личнымъ силамъ направленіе, полезное человѣчеству; руки бѣднаго будутъ продолжать питать богатаго, но богатый получаетъ приказаніе заставлять работать свой мозгъ, а если его мозгъ неспособенъ къ работѣ, то онъ будетъ принужденъ работать своими руками, ибо Ньютонъ, конечно, не оставитъ на этой планетѣ, одной изъ самыхъ близкихъ къ солнцу, рабочихъ по своей волѣ бесполезныхъ въ мастерской“... „Не стану болѣе распространяться объ

этомъ предметѣ: всякій человѣкъ, вѣрящій въ откровеніе, необходимо убѣдится, что одинъ Богъ могъ дать человѣчеству средство заставить cadaго своего члена слѣдовать предписанію любви къ ближнему" (3 Lettre).

Въ этихъ нескладныхъ прорицаніяхъ высказываются уже всѣ тѣ мысли, которыя впослѣдствіи легли въ основаніе Сень-Симонизма: религіозный характеръ будущаго устройства человѣческаго рода, замѣна отсталыхъ церковныхъ властей корпораціей ученыхъ и художниковъ, обязанность труда, возложенная на всѣхъ, любовь къ ближнему, какъ руководящее начало всякой дѣятельности, призваніе женщинъ, начало, которое впослѣдствіи сдѣлалось предметомъ горячихъ споровъ и, наконецъ, разрыва въ школѣ сень-симонистовъ.

Въ постскриптумѣ Сень-Симонъ высказываетъ намѣреніе написать письмо, въ которомъ онъ будетъ разсматривать религію, какъ человѣческое изобрѣтеніе, или какъ единственное политическое учрежденіе, которое можетъ вести къ общей организаціи человѣческаго рода. При этомъ онъ излагаетъ главную мысль, которая должна лечь въ основаніе этого труда. „Предположите,—говоритъ онъ,—что вы узнали способъ распредѣленія матеріи въ какую-либо эпоху, и что вы составили планъ вселенной, обозначивъ числомъ количество матеріи, заключающееся въ каждой изъ ея частей: вамъ будетъ ясно, что, прилагая къ этому плану законъ всемірнаго тяготѣнія, вы могли бы предсказать настолько точно, насколько позволяетъ состояніе математическаго знанія, всѣ послѣдовательныя перемѣны, которыя произойдутъ въ мірозданіи. Это предположеніе поставитъ вашъ умъ въ такое положеніе, въ которомъ всѣ явленія представятся ему въ одинакомъ видѣ; ибо разсматривая на планѣ вселенной часть пространства, занятого вашею особою, вы не найдете никакой разницы между явленіями, которыя вы называете *нравственными*, и тѣми, которыя носятъ названіе физическихъ. Даннаго указанія достаточно для того, чтобы моя мысль была понята математиками" (3 Lettre).

Эту чисто матеріалистическую гипотезу Сень-Симонъ развилъ въ изданномъ въ 1808 году *Введеніи къ научнымъ работамъ XIX вѣка* (*Introduction aux travaux Scientifiques du dix-neuvième siècle. Oeuvres choisies T. I*).

Человѣческій разумъ, говоритъ Сень-Симонъ, имѣетъ два способа познанія предметовъ: синтезъ и анализъ. Первый идетъ отъ общаго факта къ частнымъ, второй обратно, отъ частныхъ къ общему. Первый называется также способомъ познанія *a priori*, второй способомъ познанія *aposteriori* (стр. 68). Оба равно необходимы: споры о преимуществахъ того и другого также безсмысленны, какъ если бы стали спорить о томъ, что лучше, поднимать или опускать стержень при дѣйствіи насоса: когда стержень находится наверху, его слѣдуетъ опускать, когда онъ внизу, его слѣдуетъ поднимать (стр. 77). Такъ всегда и поступали въ научныхъ изслѣдованіяхъ. Основатели науки новаго времени, Бэконъ и Декартъ, шли путемъ синтеза. Декартъ провозгласилъ общимъ правиломъ, что человѣкъ долженъ вѣрить только тому, что признано разумомъ и подтверждается опытомъ. Онъ же сказалъ: „дайте мнѣ матерію и движеніе, и я построю вамъ міръ“. Созданная имъ система вихреворотовъ была первая и великая для своего времени попытка объединить всѣ явленія общимъ началомъ. Но затѣмъ оставалось подтвердить эти воззрѣнія опытомъ; отъ синтеза надобно было перейти къ анализу. Это слѣлали въ физической области Ньютонъ, въ отношеніи къ человѣку—Локкъ. Французскіе ученые XVII вѣка, Лагранжъ и Лапласъ, въ математикѣ и астрономіи, Кондильякъ и Кондорсе, въ приложеніи къ человѣческому познанію и дѣятельности, развивали только положенными ими начала. Рядомъ съ этимъ шло и разрушеніе отжившаго свой вѣкъ синтетическаго зданія, основаннаго на вѣрѣ. Въ этомъ отношеніи главные удары были нанесены энциклопедистами, которые однако болѣе содѣйствовали разрушенію стараго, нежели созиданію новаго. Теперь предстоитъ опять синтетическая работа; новыя открытія можно слѣлать на пути *a priori* (стр. 164).

Эту работу и хотеть предпринять Сень-Симонъ, сознавая однако, что онъ для нея еще недостаточно созрѣлъ и что ему нужно еще десять лѣтъ для написанія сочиненія, котораго очеркъ онъ представляетъ теперь своимъ соотечественникамъ, съ цѣлью дать имъ заранее возможность насладиться его мыслями (стр. 56). Предполагаемое сочиненіе такъ и осталось ненаписаннымъ, и все ограничилось отрывками, о значеніи которыхъ можно судить по ихъ содержанію.

Сень-Симонъ отправляется отъ положенія, что открытый Ньютономъ законъ всемірнаго тяготѣнія есть общій фактъ, изъ котораго, какъ первоначальной причины, вытекаютъ всѣ явленія физическаго и нравственнаго міра (стр. 157, 165). Ньютонъ, будучи великимъ физикомъ, геометромъ и астрономомъ, не умѣетъ ни обобщать, ни сопоставлять свои мысли; ихъ философскій смыслъ былъ ему совершенно неизвѣстенъ (стр. 161). Между тѣмъ, этимъ общимъ фактомъ можно воспользоваться для объясненія всѣхъ существующихъ явленій; какъ общая идея, онъ можетъ служить для созданія цѣлаго воображаемаго міра. Объ этомъ воображаемомъ мірѣ Сень-Симонъ и хотеть говорить (стр. 157).

Вселенная есть пространство, наполненное матеріей. Послѣдняя существуетъ въ двухъ формахъ: твердой и жидкой; количество обѣихъ одинаково. Частицы матеріи попеременно переходятъ изъ одного состоянія въ другое. Всѣ явленія суть дѣйствія борьбы, существующей между жидкими тѣлами и твердыми. Вселенная дѣлится на двѣ равныя части: твердую и жидкую. Твердая часть есть та, въ которой матерія стремится къ отверженію, мягкая та, въ которой она стремится къ разрѣженію. Въ извѣстныя времена эти двѣ части смѣшиваются; тогда происходитъ всеобщая дезорганизация на тѣхъ же основаніяхъ. Вселенная есть единственное вѣчное явленіе; всѣ же второстепенныя явленія имѣютъ бѣольшую или мѣншую продолжительность (стр. 166—7).

Отношеніемъ твердыхъ тѣлъ къ жидкимъ Сень-Симонъ

думалъ разрѣшить и то противорѣчіе, которое онъ усматривалъ въ выводахъ астрономовъ и физиковъ. Какъ астрономъ, Ньютонъ признавалъ, что въ пространствѣ между свѣтилами нѣтъ матеріи, ибо не оказывается тренія, задерживающаго ихъ движеніе. Но какъ физикъ, онъ признавалъ существованіе наполняющей пространство матеріи, посредствомъ которой распространяется свѣтъ. По мнѣнію Сень-Симона, Ньютонъ не впалъ бы въ это противорѣчіе, если бы онъ призналъ существованіе въ пространствѣ количества жидкой матеріи, равнаго количеству твердой, составлявшей массу свѣтиль, ибо въ такомъ случаѣ дѣйствія отъ двухъ матерій другъ на друга уравниваются и тренія не можетъ быть (стр. 162). Это объясненіе показываетъ, какъ далека былъ Сень-Симонъ отъ истинно-научнаго знанія, несмотря на всѣ его претензіи.

Еще болѣе фантастическимъ представляется его объясненіе происхожденія органическихъ тѣлъ, которое онъ точно такъ же производитъ изъ отношенія жидкой и твердой матеріи. Отсюда происходитъ броженіе, отъ величины котораго зависятъ величины возникающихъ изъ него организмовъ. Маленькое броженіе производитъ малые организмы, большое—большіе. Самое значительное броженіе было на землѣ при переходѣ ея изъ состоянія кометы въ состояніе планеты, то-есть, когда она начала вращаться около своей оси (стр. 167). Самые организмы представляютъ постоянную борьбу между твердыми и жидкими элементами. Весь ихъ механизмъ состоитъ въ выдѣленіи жидкостей въ мозгу и другихъ аналогическихъ органахъ, изъ которыхъ онѣ разносятся нервами по всѣмъ частямъ тѣла. Вышнія чувства суть выдѣленія (*épanouissements*) нервовъ черезъ отверстія, которыми нервная или жизненная жидкость сообщается съ однородными жидкостями, разлитыми въ пространствѣ. Мысль есть не что иное, какъ матеріальное притяженіе; это — результатъ движенія нервной жидкости (стр. 170). Явленія, которыя называютъ физическими, принадлежатъ къ разряду явленій твердыхъ тѣлъ; явленія, которыя назы-

ваются нравственными, принадлежать къ разряду явленій жидкихъ тѣлъ (стр. 219).

Сообразно съ этимъ чисто-матеріалистическимъ взглядомъ Сень-Симонъ не признаетъ никакой существенной разницы между человѣкомъ и другими животными. Человѣкъ есть вселенная въ маломъ видѣ; а такъ какъ вселенная заключаетъ въ себѣ не два порядка вещей, а одинъ, физическій, то и въ человѣкѣ нѣтъ ничего, кромѣ сочетанія физическихъ элементовъ (стр. 175). Единственное его отличіе отъ другихъ животныхъ состоитъ въ томъ, что его организація болѣе приспособлена къ развитію. Отсюда и нравственное его превосходство (стр. 177). Если другія животныя не развиваются, то причина заключается въ томъ, что человѣкъ мѣшаетъ ихъ развитію, выгоняя однихъ въ пустыни и обращая другихъ въ рабство. Если бы человѣчество исчезло съ лица земли, то наилучше организованная послѣ него порода животныхъ стала бы развиваться (172—3).

Самое развитіе человѣчества слѣдуетъ развитію планеты. Сперва въ немъ преобладаютъ жидкія тѣла, а потомъ твердые. Съ первымъ связано развитіе воображенія, со вторымъ развитіе разсудка (175—6). Это одинаково проявляется въ развитіи лица и цѣлаго рода. Въ дѣтствѣ человѣкъ проявляетъ болѣе всего наклонность къ механическимъ искусствамъ; въ юности онъ становится артистомъ. Съ 25 до 45 лѣтъ дѣятельныя его силы получаютъ полное развитіе: онъ является преимущественно военнымъ. Съ 45 лѣтъ дѣятельныя силы уменьшаются, а умственные получаютъ преобладаніе: это — періодъ зрѣлаго мышленія, а вмѣстѣ и нисхожденіе по жизненному пути. То же самое мы видимъ и въ исторіи: египтяне отличаются механическими работами, греки художествомъ, римляне военною силою; сарацины, отличаясь, какъ римляне, военными доблестями, положили, вмѣстѣ съ тѣмъ, основаніе развитію физическихъ и математическихъ наукъ. Сравнивая исторію человѣчества съ развитіемъ отдѣльнаго лица, можно думать, что первое достигло приблизительно сорокалѣтняго возраста (177—9).

Это — самое счастливое время жизни, то, въ которомъ съ наибольшею силой проявляются обѣ способности—воображеніе и разсужденіе (183).

Исходя отъ этихъ началъ, Сень-Симонъ предлагаетъ своеобразное дѣленіе исторіи, которое однако плохо клеится съ характеристикой возрастовъ. До сихъ поръ, говорить онъ, историки обращали вниманіе только на второстепенные факты, не возвышаясь къ общимъ воззрѣніямъ. Кондорсе первый ввелъ начало совершенствованія, противопоставивъ его теоріямъ „круговыхъ“ философовъ, которые утверждали, что человѣчество всегда вращается въ одномъ кругѣ. Но въ развитіи своихъ взглядовъ онъ впалъ въ самыя грубыя ошибки. Онъ далъ намъ очеркъ не исторіи, а романа, ибо онъ видѣлъ вещи не такъ, какъ онѣ въ дѣйствительности, а такъ какъ онъ хотѣлъ ихъ видѣть (184-191). Исходя отъ общихъ взглядовъ, слѣдуетъ раздѣлить исторію на два періода: древнюю и новую. Первая, соотвѣтствуетъ дѣтству и простирается отъ начала міра до Сократа, вторая простирается отъ Сократа до нашихъ дней. До Сократа прогрессъ былъ только частный; дѣйствовавшіе на историческомъ поприщѣ народы возвышались до понятія о божествѣ, но безъ всякой системы. Сократъ первый далъ этой идеѣ характеръ единства и понялъ ее, какъ орудіе научныхъ комбинацій. Черезъ это онъ сдѣлался основателемъ общей науки. Древняя исторія, въ свою очередь, дѣлится на два періода: первый отъ начала человѣческаго рода до Моисея, второй отъ Моисея до Сократа. Все, что предшествовало Моисею, покрыто для историка непроницаемымъ мракомъ; только глазъ фізіолога можетъ въ него проникнуть. Періодъ отъ Моисея до Сократа тоже освѣщенъ весьма слабымъ свѣтомъ, но онъ имѣетъ и мало интереса для мыслящаго человѣка (192—3). Моисей сочинилъ идею Бога; но только Сократъ опредѣлилъ ее точнѣе и и положилъ ее въ основаніе своей философской системы (189). Дальнѣйшее движеніе этой идеи, въ свою очередь, дѣлитъ новую исторію на два почти равныхъ періода: первый про-

стирается отъ Сократа до Магомета, второй отъ Магомета до нашихъ дней. Первый представляетъ развитіе деизма, второй его упадокъ и постепенную замѣну его физицизмомъ, который долженъ служить основаніемъ религіи будущаго, ибо религія есть ничто иное, какъ собранія приложеній общей науки, посредствомъ которыхъ просвѣщенные люди управляютъ невѣждами. Всякій возрастъ имѣетъ свой характеръ, и всякое учрежденіе свою продолжительность. Поэтому и религія старѣетъ, какъ и другія учрежденія, и по прошествіи извѣстнаго времени должна быть возобновлена. Благодѣтельная вначалѣ, она становится притѣснительною, когда отстаетъ отъ вѣка, и органы ея опережаются другими (194—5, 213). Сень-Симонъ признаетъ однако, что въ настоящее время физицизмъ еще не довольно развитъ, чтобы стать основаніемъ религіи, а такъ какъ деизмъ уже износился и не удовлетворяетъ умственнымъ потребностямъ, то приходится имѣть два ученія: физицизмъ для образованныхъ людей и деизмъ для невѣжественной массы. Поэтому онъ для виду считаетъ нужнымъ оказывать уваженіе деизму, который долго еще долженъ оставаться публичнымъ ученіемъ (214—5). Идея Бога не можетъ уже употребляться въ физическихъ наукахъ, но она долго еще будетъ служить опорой политическихъ комбинацій, ибо нѣтъ лучшаго средства дать надлежащую силу законодательнымъ мѣрамъ (219).

Возвѣщая въ будущемъ новую религію, Сень-Симонъ провозгласилъ и новое начало нравственности. На мѣсто евангельскаго правила: „не дѣлай другимъ того, что ты не хочешь, чтобы они тебѣ дѣлали“, правило, которое имѣетъ чисто отрицательный и личный, а потому неприменимый къ обществу характеръ, онъ предлагаетъ поставить слѣдующее начало: „человѣкъ обязанъ трудиться“. При этомъ онъ замѣчаетъ, что понятіе о трудѣ должно быть принято въ самомъ широкомъ значеніи; никакого рода умственная работа не должна быть исключена. Только тунеядцы, пользующіеся доходами, не прилагая рукъ, являются лишнимъ

бременемъ для общества. Съ трудомъ связана и собственность, которая должна быть обезпечена закономъ; но моралистъ долженъ побуждать общественное мнѣніе наказывать празднаго собственника лишеніемъ уваженія. Католики, пожалуй, скажутъ, говоритъ Сень-Симонъ, что и Евангеліе осуждаетъ праздность. Но важень порядокъ, въ которомъ излагаются мысли, и то мѣсто, которое дается каждой изъ нихъ въ общей системѣ. Начало труда должно имѣть первенствующее значеніе въ новомъ обществѣ (220-1).

Осуществленіе своихъ плановъ Сень-Симонъ ожидалъ отъ Наполеона, передъ геніемъ котораго онъ преклонялся и котораго считалъ главою не только государства, но и работъ человѣческаго разума. Намекая на себя, онъ говоритъ, что самый сильный человѣкъ послѣ императора тотъ, кто наиболѣе глубоко ему удивляется (стр. 231). Въ тѣхъ же видахъ онъ писалъ, что императору нуженъ научный помощникъ, способный понять его планы и содѣйствовать ихъ исполненію; нуженъ второй Декартъ. При такихъ начальникахъ работы школы были бы изумительны (236).

Сень-Симонъ предсказывалъ, что Наполеонъ завоюетъ весь міръ и дастъ ему свои законы. Хотя англичане еще сопротивляются, но скоро они падутъ, и тогда кончится война, ибо не будетъ болѣе силы, способной сопротивляться волѣ императора. Когда же война будетъ кончена, его вниманіе устремится исключительно на науки. По его указаніямъ и подъ его начальствомъ ученая мастерская выработаетъ энциклопедію. Это сочиненіе организуетъ физицизмъ, основанъ посредствомъ размышленія и наблюденія тѣ общія начала, которыя навѣки будутъ служить руководствомъ человѣчества. Геній императора дастъ человѣчеству и наилучшее общественное устройство. Судя по первымъ же распоряженіямъ, можно предположить, что духовная власть и свѣтская будутъ раздѣлены: первая перейдетъ въ руки физицистскаго папы и духовенства; вторая же будетъ раздѣлена между князьями, стоящими во главѣ разныхъ частей человѣчества, при чемъ интересы этихъ частей будутъ

охраняться представителями, избранными изъ самыхъ крупныхъ собственниковъ и самыхъ видныхъ литераторовъ. Эти идеи, заключаетъ Сень-Симонъ, должны разсматриваться, какъ проявленіе свѣтозарнаго луча, исходящаго изъ фокуса императорскаго разума (стр. 243—4).

Походъ на Россію положилъ конецъ всѣмъ этимъ мечтамъ, а вмѣстѣ измѣнилъ и самыя воззрѣнія Сень-Симона на личность императора. Въ 1813 году онъ представилъ ему мемуаръ о способѣ заставить англичанъ признать низависимость флаговъ, но при этомъ положилъ условіемъ, чтобы Наполеонъ отказался отъ всѣхъ своихъ завоеваній и ограничился собственными границами Франціи. Сень-Симонъ утверждалъ, что таково единодушное желаніе его подданныхъ (II, стр. 172). Записка не содержитъ въ себѣ, впрочемъ, никакого способа заставить англичанъ уважать нейтральные флаги, а только предлагаетъ назначить 25 милліоновъ награды тому, кто изобрѣтетъ наилучшій способъ достигнуть этой цѣли. Самъ Сень-Симонъ ограничился отвлеченными философскими соображеніями, въ убѣжденіи, что только на этой почвѣ можно построить положительную политику. Поэтому записка, имѣющая въ виду заставить англичанъ уважать нейтральные флаги, носить заглавіе: *Работа по всемірному тяготѣнію* (Travail sur la gravitation universelle). Но и о всемірномъ тяготѣніи тутъ говорится только въ самыхъ общихъ чертахъ, какъ о міровомъ законѣ, изъ котораго должны истекать всѣ остальные. Такъ же какъ и *Мемуаръ о наукѣ человека* (Mémoire sur la Science de l'homme), представленный Сень-Симономъ въ томъ же году разнымъ ученымъ обществамъ, это сочиненіе содержитъ въ себѣ только повтореніе мыслей, высказанныхъ во *Введеніи къ научнымъ работамъ XIX вѣка*, и при томъ опять совершенно отрывочно и поверхностно, ибо, по признанію самого автора, на настоящую работу потребовалось бы нѣсколько лѣтъ, а онъ стѣсненъ временемъ и не хочетъ лишиться своихъ современниковъ плодовъ своихъ размышленій.

И тутъ онъ исходитъ отъ того положенія, что есть два